

Екатерина Митич

Немного правды
о больших девочках

Екатерина Анатольевна Митич

Немного правды о больших девочках

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68261710

ISBN 978-5-9074-1582-9

Аннотация

Книга состоит из трёх коротких повестей. События так или иначе касаются девяностых годов двадцатого века. Сильные и одновременно такие хрупкие и ранимые женщины идут по жизни, преодолевая трудности, улыбаясь, роняя иногда слёзы. Они встречают удары судьбы, играют самые ответственные роли, принимают серьёзные решения, но, несмотря ни на что, в каждой из них живёт, улыбается и плачет «большая девочка», нежная и ранимая, способная дарить миру настоящую любовь. Эта книга могла бы наполниться десятками тысяч похожих историй, пусть на эти три истории отзовётся множество родных сердец.

Содержание

Немного правды о больших девочках	6
Солнце Калифорнии	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Митич Екатерина Немного правды о больших девочках

© Екатерина Митич, 2022

© Издательский центр «Свет», 2022

* * *

*Большие девочки никогда не плачут,
Большие девочки идут в бой,
Большие девочки ставят задачу и окунаются с головой.
Рубят с плеча, бьют в цель и крепко,
Любят до смерти, дружат до гроба.*

*А кто знает, какие они, большие девочки,
Прозящие милости у Бога?*

*Маленькие и хрупкие, как в колыбели,
Босые и тонкие, ранимые очень.*

У них нет кожи, нет терпения, нет слёз и денег нет тоже.

Иногда надо плакать и большим девочкам,

Никто не узнает, никто не поможет.

Держитесь, родные, мужайтесь, девочки.

Мы вам разрешаем. Плакать можно...

Немного правды о больших девочках

Весенний воздух – абсолютный провокатор. В душе почти каждой женщины он не может не затрагивать тонкие струны. Хочется выглядеть особенно привлекательно. Расправить плечи, ровнее держать голову, чтобы врасплох не застал ни один взгляд, обращённый случайно или намеренно.

Сегодня Татьяна Георгиевна Парфёнова, блестящий адвокат со значительным опытом и стажем, посмотрела в окно, скользнула взглядом по наметившимся упругим зелёным шарикам почек на деревьях. Тонкие голоса птиц были слышны даже через стекло. На работу решила идти пешком, дорога занимала около часа, но сегодня это было в радость.

Накинула дорогое пальто из светло-песочного кашемира, надела туфли добротной немецкой работы на небольшом устойчивом каблуке, легко освежила губы помадой и, приподняв брови, улыбнулась себе, отметив отличную сегодняшнюю форму, как если бы за дверью квартиры ждали её благодарные тысячи зрителей.

Вот двор, который будет скоро зелёным и пыльным, потом проспект – шумный и многолюдный. Хороший день.

У каждого бывают моменты, когда не веришь, что это происходит на самом деле с тобой, а не с другим человеком. Та-

кие моменты принято называть счастьем. Не хочется останавливаться, анализировать, громко стучать каблуками по асфальту, хлопать дверью в подъезде и даже дышать. Хочется сберечь это необыкновенное чувство, нести его нежно, как горсть переспелых ароматных мягких ягод малины, как белые шапки одуванчиков или набранную в ладонь чистую родниковую воду.

Именно в таком расположении духа, стараясь удержать своё счастье подольше, девушка в светлом пальто шла по весенней, наполненной людьми улице. Было абсолютно ясно по улыбке, глазам, излучающим радость, мощному потоку какой-то особой упругой энергии, с которой она перемещалась среди таких же, но совершенно точно менее счастливых людей, что у неё сегодня в жизни произошло что-то невероятное, радостное и особенное. Что-то такое, что и для неё, и для окружающих означало одно – счастье!

А сегодня ночью случилось то, что и должно было случиться: Танечка стала женщиной. Да, оставаясь юной и неопытной в свои 19 лет, она стала его женщиной по обоюдному желанию, по любви, казалось, самой-самой сильной на всём белом свете, по яркому порыву, который можно сравнить с желанием, мощностью и гибкостью ветки молодого, влажного от сока дерева, которая под ветром или сторонней силой сгибается и, стремясь к своему изначальному совершенству, разгибается, звеня и разрезая воздух вокруг себя.

У них был почти год встреч, радости, поцелуев, прикосно-

вений, мыслей, звонков. Никто, казалось, теперь не мог его отнять. Мысли рвались нарушить счастье, разбить молчание.

«Теперь только мой, вместе, неразлучны. Вот так выглядят половинки целого, половинки огромной вселенной, жизни, которая за одну ночь разделилась на до и после. Саша, Сашенька, Александр. Дети, значит, Александровичи. Надо потрудиться подобрать имена: если мальчик, может, Михаил, Григорий, а девочка, например, Наталья... Прекрасно, очень красиво. О чём это я?»

И вновь возвращались мгновения ночного дыхания. Признания, движения в каком-то невероятном темпе, осознании доверия и значимости происходящего. Никогда не думала она, что полюбит такого мужчину – у которого было много женщин, курящего, способного произнести грубое слово, органично выглядевшего в высоких жёстких ботинках на военный манер, с короткой стрижкой и в кожаной, слегка потрёпанной куртке. Это стало всё таким родным, таким невероятно желанным и приятным. Теперь даже похожие и отдалённо напоминающие запахи где-то табака, где-то кофе, который он так ловко варил по утрам, возбуждали, тело радовалось и стремилось максимально красиво распрямиться, демонстрируя свою стать и молодость.

Они были студентами юридического факультета – он на четвёртом курсе, она на втором, оба на вечернем. Познакомились они на работе, оказавшись вместе в пассажирском

отделе Пулковской таможни.

Для Танюши, а именно так её все вокруг называли, это было невероятное везение. Не все смогли поверить, что она так просто попала на эту работу. Как и многое в её жизни, что-то можно было объяснить обаянием, а что-то – каким-то исключительным везением, которое непременно ей сопутствовало.

А дело было так. Девяностые дались непросто. Когда Таня оканчивала школу, сестра-студентка вышла замуж, родился малыш. Жили в двухкомнатной квартире, спали с мамой на двухъярусной кровати за шкафом. Мама на нижнем ярусе, а Танечка – на верхнем. Племянник Димка часто плакал. Муж сестры подрабатывал, но всё равно приходилось нелегко.

Жили бедно, но очень душевно. А тут выпускные и поступление. Сразу решила для себя, что либо юрфак ЛГУ, либо ничего. Всё, что дополнительно зарабатывали, шло на подготовительные курсы. Шансов было откровенно мало, несмотря на отличную учёбу в школе. В результате на дневное обучение не хватило одного балла. Татьяна железно решила, что на заочное точно не пойдёт и будет пробовать поступать, пока не пройдёт на дневное. Вот такой характер.

Тане пришла в голову просто гениальная для восемнадцатилетней девушки мысль: рабфак. Нужно попасть в число тех, кому предназначена квота для работающих по специальности. На весь город таких мест было пять или восемь, из них большинство блатные. Но не надо сдаваться! Ре-

шила рискнуть, взяла книжечку-справочник «Для поступающих на юридический факультет ЛГУ», где были перечислены нужные профессии: секретарь суда, помощник нотариуса, сотрудник милиции... О! Сотрудник таможни.

В представлении Танечки это были прекрасные юноши и девушки в красивой форме за стеклянной перегородкой в международном аэропорту Пулково, досматривающие пассажиров перед рейсом. «Замечательно! Я тоже так могу», – подумала Таня и полностью утвердилась в решении поступать на службу в таможню. Мама Танечки, услышав о плане, улыбнулась, вздохнула, пожелала удачи и сказала: «Это я тебя, такую наивную, воспитала». Танечка тогда абсолютно не понимала, в чём заключается её наивность. Она собрала все дипломы и грамоты из школы, с курсов переводчиков и олимпиад, значок ГТО, диплом об окончании художественной школы, рекомендательные письма. Получился целый рюкзак! Лечь спать Танечка решила пораньше – завтра же на работу на таможню устраиваться, а дело это очень непростое.

На дворе стоял 1993 год, январь. Танечке тогда уже исполнилось восемнадцать. Как-то утром было очень уж холодно. Так бывает, когда влажный морозный воздух своим серо-синим дыханием сковывает всё вокруг. Танечка надела меховую шапку и пуховик, взяла рюкзак и поехала на автобусе в аэропорт.

Уже только потому, что ехал автобус в такое необычное место, казалось, он был особенно чистым. Длинное желтоватое тело с грубой смешной чёрной гармошкой посередине – такой двойной автобус на случай, если пассажиров будет много. Было так спокойно, что, прижавшись к обледеневшему стеклу, можно было мечтать и наблюдать за проходящими за окном пешеходами и пассажирами в салоне.

Вот люди в форме – в какой точно, не видно под тулупами; мама с малышами, закутанными по самый нос; элегантная дама с красивым чемоданом, укутанная в тёмную павлопосадскую узорчатую шаль, но с каким-то особенным импортным лоском. Танечка почувствовала очевидный диссонанс между этой ухоженной уверенностью, аккуратной собранностью в цвете и форме, которые демонстрировала дама, глянцева во всём своём великолепии, и её, Таниным, образом в вытертых варежках на точёных прелестных ручках и нелепой меховой белой шапке, скрывающей естественную буйную красоту прекрасных каштановых волос.

Танечка ощутила неловкость, немного вжалась в сиденье, будто воздух стал на минуту ещё более жёстким и колким. Она отвернулась к окну, мечтая о своём абсолютно прекрасном будущем. Впереди показались круглое жёлтое здание со шпилем международного аэропорта Пулково-2 и пара более современных одноэтажных построек по бокам. Автобус остановился и с громким шипением выдохнул Таню и нескольких спешащих пассажиров, из которых только од-

на дама могла носить, по мнению Танечки, звание пассажира международного аэропорта. Какого-то мужчину в синей форме она спросила про отдел кадров, тот указал на невысокое здание. Танечка побежала напрямик туда, но там сказали: «У нас пилоты и наземный персонал, про таможенную спроси в аэропорту, в зале вылета».

На улице страшная холодина. Танечка бежит в указанный зал. А к слову, сотрудник таможен международного аэропорта в то время – престижнейшее рабочее место, которое простым гражданам могло только присниться. Вот и дверь с надписью «Пулковская таможня. Дежурная», и звонок. Таня позвонила сильно и много раз. Сказывались волнение и настрой, что впереди может быть только победа. Из двери вышел высокий пожилой солидный мужчина с портфелем в форме таможенника. Поверх кителя было накинуто серое пальто с меховым воротником. Танечка очень чётко, глядя ему в глаза, сказала:

– Здравствуйте, я хотела бы у вас работать.

Тот опешил и оглядел Танечку с ног до головы:

– Вы от кого?

– От себя лично.

– Это, конечно, серьёзный аргумент, – засмеялся мужчина. – Отдел кадров находится в Авиагородке, я как раз туда еду, поехали со мной, заодно по дороге всё-таки расскажешь, от кого ты.

На улице ждала «Волга» с надписью «Таможенная служ-

ба». Они сели на заднее сиденье, и водитель погнал в сторону Авиагородка. Только потом Танечка узнала, что столкнулась с бывшим начальником Пулковской таможни, очень уважаемым человеком. Таня рассказала ему всё, включая главное – что она хочет поступить на юрфак, а для этого ей нужно стать самым лучшим таможенником.

С Танечкой побеседовал начальник отдела кадров, потом её попросили посидеть в коридоре.

– Таких и надо брать на работу, Юра, – говорил её новый знакомый, явно заслуженный таможенник. – Ты посмотри, какая девочка! Отличница, честная, смелая, красивая, английский знает. А то мы берём непонятно кого. Юра, я тебя никогда не просил, но сейчас прошу в первый и последний раз. Я ухожу из таможни – ты же знаешь.

– Хорошо. Попробую договориться, но меня не все поймут. Обещаю помочь из уважения к вам.

Танюшин благодетель вышел в коридор, сжимая в руке каракулевую шапку. Танечка вскочила с места.

– Спасибо вам большое! – она обняла своего нового знакомого, широко и искренне улыбаясь.

Тот неожиданно очень смутился, и Тане показалось, что он едва сдержал слёзы, но ничего не сказал. Только взял на секунду изящную холодную ручку, сжал в своих стариковских огромных ладонях, одобрительно кивнул и, прищурившись, вышел.

Потом были пять собеседований, две медицинские комис-

сии, ожидания, сомнения и... Ух ты! Взяли на работу. Это была победа и сказка. Танечкину маму знакомые спрашивали, кто всё-таки за неё похлопотал, а на таможне не могли понять, чья всё-таки Танюша родственница. В тот же год Танечка поступила на вечернее отделение юридического факультета, набрав наивысший балл. Цель была достигнута.

Работала Танечка очень хорошо. Она была самая юная из всех. Коллеги и начальство смотрели на неё, как на какое-то чудо или аномальное явление. Танюша была красивым, наивным и изящным созданием, абсолютной девственницей в самом настоящем, истинном значении данного слова. Конечно, она мечтала о прекрасном сильном юноше, много раз представляла себе, каким будет тот самый, главный, первый и единственный человек в её жизни. Благородный, красивый, добрый, который сможет защитить и взять ответственность за двоих. И вот, встретился он...

Вокруг Саши Андреева крутилось невероятное количество разных девиц. Танечка даже и не понимала, что означают какие-то особенные взгляды, излишне оголённая грудь, поднятая чуть выше юбка и взгляд, как ровно начерченная острая линия, выходящая из точки «А» и достигающая той самой точки «Б».

Она была абсолютно чиста. Именно чиста, но при этом не сказать, что наивна, совершенно нет. Она имела полное представление о том, что люди могут быть очень разными, знала все свои обязанности по работе, была невероятно

пунктуальна и обладала прекрасным чувством юмора, которое всегда отмечали окружающие. И всё же это была истинная дева, целомудренная юная девушка, и особенно опытные, крутые и выдавшие виды самцы это чувствовали. Поэтому никто не решался приставать к ней, относясь как-то особенно. Это немного напоминало отношение к новой выглаженной рубашке, висящей в шкафу, или подаренной дорогой ручке, лежащей до лучших времён в коробочке.

Александр ей сразу понравился. Непонятно почему, поскольку ей казалось, это был не совсем её тип мужчины.

Как-то на её четырнадцатилетие они с подругой решили пошутить. Подруга была постарше и предложила написать послание к себе в будущем, описав, какой будет возлюбленный. Танечка описала настоящего принца с картинки – такого высокого, голубоглазого юношу, обладающего благородными качествами, сильного, доброго, щедрого и справедливого. Он был наделён множеством талантов, необыкновенных добродетелей, исполнен любви к родным и Родине, в общем – настоящий сказочный персонаж.

Но там ничего не было о сексе, о влечении, когда происходит что-то невероятное и это сложно объяснить. Когда хочется прижаться крепче, быть рядом, ощущать, идти за ним, а ноги не слушаются, и оторопь наступает всякий раз, когда нужно заговорить.

Саша вызывал особенные чувства в Танечке. Она невольно искала его взглядом и краснела всякий раз, когда тот ока-

зывался рядом. Наверное, это замечали все вокруг, потому что иногда будто специально упоминали его имя и наблюдали за Танечкой, а потом обменивались взглядами и улыбками. Танюшу все опекали, даже старались не выражаться очень уж крепко, как здесь было принято. Понимали, что хоть и очень умненькая, толковая, но совсем ещё девочка. Такая вот дочь полка.

Форма очень шла Танечке, она ловила восторженные взгляды многих молодых людей и мужчин, которые вылетали или прилетали, знакомились, просили дать номер телефона. По работе её часто просили переводить с английского – иностранных пассажиров в день были сотни, а то и тысячи.

Появились друзья и множество знакомых. Но ОН, только ОН стал иметь значение и занимал всю часть души, которая призвана была отвечать за чувства и за всё, что в ней было женского. Каково же было Танино удивление, когда Саша заговорил с ней, предложил вместе с другими инспекторами пообедать в буфете, расспросил Танечку о планах и наконец-то подошёл к личной жизни. Не нужно было говорить много – он понял всё и сразу.

Теперь по утрам самым главным для Танечки было, чтобы он зашёл в автобус и можно было, не давая о себе знать, изда- лека наблюдать за ним. Сложен он был замечательно – среднего роста, но более высокий, чем многие другие; глаза карие, с неглубокими лучиками вокруг них. Когда он улыбался и очаровательно морщил нос, открывались ровные зубы

с небольшой щербинкой, которая для Танечки окончательно завершила образ настоящего божества. Она влюбилась. Сомнений не было.

Она прекрасно понимала, что он не её, так сказать, мужчина. Окружавшие её более опытные, хорошие, милые женщины, как бы невзначай, стали аккуратно рассказывать Танечке разные истории из жизни аэропорта, где её небожитель часто мелькал в неприглядном свете. Было множество девушек и женщин, с которыми в течение дня он курил на улице, был замечен общающимся со стюардессой, сидевшим в билетной кассе с чашкой кофе и оживлённо болтающим о чём-то с кассиршей.

Татьяна ничего не хотела слышать, кроме своего сердца, а сердце выбрало его и не позволяло видеть ничего другого. Несколько молодых людей из стажёров и пассажиров, пилотов и пограничников интересовались Танечкой, приглашали в театр и кино, дарили какие-то незначительные подарочки, привлекая внимание. На все приглашения она отвечала отказом и говорила, что у неё есть любимый человек. И это было для неё абсолютной правдой. Она не могла представить себя вместе с мужчиной, который не был Сашкой, Сашенькой, Александром.

Однажды он неожиданно попросил её позаниматься с ним английским языком. Она согласилась. Встретились в кафе на Московском проспекте, которое показалось странным – там много выпивали. Саша пришёл не один, а с другом Юркой.

Большой и очень весёлый человек, он смотрел на Танечку с каким-то невероятным изумлением, ей совершенно непонятным. Она подготовилась – взяла учебник и какие-то записи. Там и выяснилось, что Саша уже учится на юридическом, а она только намерена туда поступать.

Поведение и шутки молодых людей казались дикими, непривычными. Они заказали коньяк, предложили Танечке – для неё это было абсолютно неприемлемым. И вообще, тогда по закону пить алкоголь можно было с двадцати одного года. Она отказалась. Саша и Юра пили коньяк, закусывали бутербродами, громко смеялись и приставали к официантке – крупной розовощёкой провинциалке, которая воздымала глаза и кривила ярко накрашенные губы в ответ на дурацкие шуточки, которые то и дело отпускали молодые мужчины.

Странно, но Танечка ничего этого не замечала, будто воспринимая Сашу отдельно от происходящего. Она всё слышала и видела, ясно воспринимала реальность, но наблюдала за происходящим будто издалека. Она была уверена, что понимала, что скрывалось за этими грубыми шутками, нелепыми словами, неуместным гоголом, коньячным ароматом и запахом табака.

Танечка не могла не заметить, как он смотрит на неё, как нежно поднимает варежку, упавшую в снег, случайно касается её плеча и извиняется. И это мужчина, общавшийся со множеством женщин, Наверное, целовавшийся с пятью красотками за день, крепко прихвативший за талию буфетчицу

Анечку с пятым размером груди, три из которых были выставлены на всеобщее обозрение.

Саша извинялся всякий раз, когда касался её руки, плеча. Он поднимал упавший карандаш и, оказавшись напротив, старался задержаться, чтобы заглянуть под ресницы, прямо ей в глаза. Шикал на матерящихся коллег, когда она входила в рабочее помещение, где таможенники пили чай, да и не только – чего уж там говорить.

Старался не дымить сигаретой на улице, вставая так, чтобы ветер дул в противоположную сторону, а иногда, остановив взгляд, становился каким-то особенно серьёзным, каким-то очень хорошим, в нём сквозь вечные избитые шутки и мужские разговоры проявлялось что-то совсем несвойственное – желание быть лучше, чище.

В нём всё казалось невероятным и особенным, и, когда он что-то передавал ей – чай, книгу, документ, – она была уверена, что руки у него самые сильные, тёплые и красивые. Самые красивые из всех, какие за свои 18 лет она могла видеть у встречавшихся мужчин.

Прошло четыре месяца. Танечка с отличием окончила курсы таможенных работников и продолжала трудиться в пассажирском отделе, каждый раз замирая, встречаясь с Сашей. На курсах молодой человек по имени Дима, сын очень обеспеченных родителей, был абсолютно сражён Танечкиной красотой, он дарил ей розы, чтобы получить очередной отказ.

Она не была категоричной, нет. Танечка сама страдала в этой ситуации, понимая, что чего-то ждать от Саши глупо и смешно, но ничего поделать не могла и не хотела с этим ничего делать. Другие мужчины для неё просто не существовали, они казались ей абсолютно бесполезными и неприятными. Она мечтала только об одном – чтобы никто её не беспокоил и не отвлекал от мыслей о НЁМ.

Отношения Саши и Танечки при этом не очень-то куда-то двигались. Таня готовилась к поступлению в университет. Дело уже подходило к вступительным экзаменам. Только иногда он приглашал её пообедать в буфете аэропорта, и пару раз по пути к дому они после ночной смены ходили с ребятами пешком до шоссе. Он как-то вызвался проводить её домой – она, конечно, согласилась. Прощаясь, он наклонился, нежно прикоснулся слегка колючей щекой к её щеке, поцеловал, как ребёнка, поправил ей плащ, немного вздёргнутый на тонкой талии. Танечка вся зарделась, почувствовала невероятную дрожь в коленках и лёгкий паралич всего тела. Он сказал:

– Пока, Танечка.

– Пока, Саша.

Она ответила чуть слышно и, не оборачиваясь, вошла в парадную. Сама не ожидая от себя такого, Танечка заплакала, слёзы лились непрерывным потоком, и было невозможно остановить их. Чтобы не пугать маму и сестру, она вытерла слёзы и зашла домой. С этого дня будто опустошённый кув-

шин до краёв наполнили солнечным волшебным напитком – точно так же наполнилось теплом и радостью Танечкино сердце.

Она была бесконечно счастлива, это был для неё особый день, особый знак. Может, счастье возможно? Может, она не ошибается и то особенное, что, казалось, она замечала в Саше, Александре, Лучшем и Великом, и было взаимностью? Она опасалась даже говорить об этом, боялась проболтать, спугнуть своё счастье, такое непонятное, хрупкое и ещё совершенно неочевидное.

Мама Танечки была человеком необыкновенным. Это от неё дочери достались в наследство яркая красота, обворожительная улыбка, волосы, которые вились и на тёмной каштановой волне играли золотом, как у белки в лучшем из сезонов жизни. Мама всегда была верным, безотказным другом, но по-женски не очень счастливым человеком. С отцом Танечки они давно расстались, когда ей было лет восемь, и мама одна воспитывала их с сестрой. Никакой строгости не было. Мама преподавала географию в школе, но, несмотря на особенность профессии, продолжала всем сердцем любить людей, включая учеников.

Не было в жизни Танечки никаких особых запретов, а вот бедность всё же была. Мама всегда старалась отдать всё-всё без остатка, раствориться в своих замечательных девочках, и это всегда находило отклик. Тане было невероятно обидно за маму – от природы такая красивая, стройная и весёлая,

она как-то очень быстро стала выглядеть старше своих лет, не обращала внимания на то, что носит, да и выбора особенно не было. Когда она надевала своё единственное нарядное платье с пояском, в чёрно-белую гусиную лапку, с чёрным воротником, распускала копну вьющихся, с сединой, волос и наносила лёгкую, едва заметную помаду, Тане часто представлялся образ прекрасного драгоценного камня, который оказался обрамлённым серебром, не очень-то к нему подходящим, выставленного в ювелирном магазине какого-то отдалённого района, где мало кто вообще мог оценить эту уникальность и изящество.

Доброй мама была без границ, без меры, особенно к окружающим. Доброй она была, конечно, и к своим детям. Жаль, что быт, ввевшийся ржавчиной в её жизнь, не позволял ей раскрываться и отдыхать, как она того абсолютно точно заслуживала.

У Танечки часто бывали гости – забегали студенты, друзья, мамины ученики, и всем хватало тепла. Мама была как источник – все пили из него, и очень часто к вечеру Танечка замечала, как иссякают её силы, а отдавать мама была намерена ещё долго.

Танечка рассказала маме про Сашу, рассказала не всё, не потому что не доверяла, а просто потому что очень боялась дать ещё один повод для беспокойства. Ей очень хотелось, чтобы мама была за неё рада. Мужчин мама не то чтобы не любила, но совершенно не доверяла им, полагаясь только на

себя во всех жизненных вопросах.

Конечно, она желала своим девочкам, да и окружающим тоже, безграничного счастья, но сама им не обладала. Бывший муж своим предательством, враньём и периодическим «злоупотреблением алкоголем», как выражалась мама, отбил у неё всякое желание быть рядом с мужчиной.

Как настоящий географ, она знала, казалось бы, всё о дальних странах, и как было замечательно, когда ещё маленькими они с сестрой собирались на кухне и мама, готовя очередной вкуснейший пирог, рассказывала о горах, землях и людях, которых она сама никогда не видела.

Танечка рассказала маме ровно то, что хотела сказать. Призналась, что влюбилась, что он хороший и рано ещё о чём-то говорить.

Танечка твёрдо и навсегда решила для себя, что она точно не хотела бы такую жизнь и судьбу, как у мамы. Хотела быть любимой. Ей очень хотелось, чтобы у неё был муж, хотя бы как у некоторых соседок в их подъезде. Такие приятные люди! Когда их жёны шли из магазина, болтая по дороге с мамой, которая возвращалась из школы, они чмокали своих жён в щёчку: «Привет, дорогая!» И подхватывали тяжёлые сумки с продуктами.

Дни просто мчались. После этих первых проводов до подъезда они с Сашей стали видеться немного чаще, но Танечке хотелось, чтобы они встречались намного чаще.

Занятия перед поступлением занимали много времени,

надо было работать, а ещё хотелось просто пройтись по городу, насладиться такой взрослой уже, но ещё совсем юной жизнью. Если она не была занята поступлением в университет, то все мысли были о Саше. Она обращала особое внимание на каждое сказанное им слово, каждый жест и понимала, что со стороны выглядит, наверное, таким маленьким щенком, очень милым, который поворачивает голову к хозяину, даже если его не зовут, доверяет каждому слову, радуется любой игрушке или шуршащему фантику, который нечаянно обронили. Удивительно, как в Танечке сочетались невероятная ответственность и взрослость с предельной наивностью, описать которую можно было одним словом – «дурёха».

Наступил особенный день – 10 мая. Это был день его, Сашиного, рождения. Она долго думала, что бы ему подарить. Смотрела разные варианты галстуков, какие-то свитера, хотя понимала, что такой подарок не подходит. Танечка думала, волновалась, пригласит ли он её отпраздновать свой день рождения. Больше всего на свете ей хотелось быть с ним – разговаривать, держаться за руку, просто находиться рядом. На каком-то этапе их развели по разным отделам и сменам. И всё-таки они иногда встречались утром на пересменке, даже как-то ездили в кафе, а один раз обедали втроём – Юра, Саша и Танечка. Юра пригласил их в гости, сам приготовил очень вкусный обед. Они прекрасно провели время. Разговаривали о музыке, слушали Pink Floyd и «Русский альбом»

Гребенщикова, обсуждали книги, и Танечка ловила себя на мысли, что совершенно не ошиблась в своём Саше.

Танечка попросила свою знакомую провести её в магазин Duty Free, купила там парфюм, который ей посоветовали, и стала ждать того самого дня. Оставалось чуть меньше недели.

Вечерами было особенно невыносимо, она очень скучала, ей так хотелось, чтобы он позвонил. В те времена было не принято порядочным девушкам просто так «гулять» с парнем – так уж Танечка была воспитана. А «гулять» очень хотелось, она не знала, как это, но понимала, что подходит тот самый момент, и вот он – тот самый любимый и лучший мужчина, ради которого она готова стать другой, взрослой, привлекательной и познать то, чего где-то в душе очень боялась, а телом чувствовала влечение, притяжение, дрожь и необъяснимую тонкую боль.

Через два дня после дня рождения позвонил Юра и пригласил её от имени Саши. Он пообещал приготовить всю еду и сказал, что будет Саша и ещё одна его знакомая.

Танечка очень волновалась, хотела в этот день быть самой красивой. Она несколько раз переодевалась – гардероб был очень скудным, – выбрала платье достаточно скромное, но в нём она нравилась себе, не было ничего лишнего. Туфельки на небольшом тонком каблуке, плащ. Волосы без какой-либо укладки лежали красивой крупной волной. Она немного подкрасила губы и ресницы и стала ещё милее и ярче. Взяла

подарок, коробочку конфет к столу и полетела к Юре домой.

Юра открыл в переднике, с варежкой для горячего в руке.

– Привет, Танюша, заходи. Ещё никого нет, ты самая первая. Значит, самая голодная.

Посмеялись. Танечка сняла плащ, стала помогать носить бокалы, тарелки к столу.

Юра скинул передник, протёр руки от специй.

– Ну вот, теперь курица будет около часа запекаться, можно хоть отдохнуть и поболтать. Будем болтать?

Танечка на какое-то мгновение почувствовала себя неловко, она думала о том, что, наверное, у неё очень смущённый вид. Юра широко улыбнулся и сел рядом с Танечкой на диван.

– Тань, ты не бойся меня. Я буду вести себя хорошо. Я рад, что ты пришла раньше, и очень хотел бы тебя кое о чём спросить. Отвечать, конечно, совсем не обязательно. Можно спросить о личном?

– Да, – сказала Танечка, хотя это был ответ вежливости. На самом деле к вопросам любого личного толка она была сейчас не готова.

– Танечка, понимаешь, наверное, впервые за много лет дружбы с Саней, а мы дружим вот уже больше десяти лет, мне очень непросто. Я чувствую себя немного предателем, что ли...

– Почему? Почему предателем? – удивилась Таня.

– Я очень люблю Сашку и ценю нашу дружбу. Я вижу, что

ему впервые встретила такая девушка, как ты.

– Какая?

– Чистая, юная, умная. По-настоящему добрая. Я уверен в тебе, но сейчас не уверен в нём. И я не имею права это говорить, ведь он мой друг. Но он другой, он совсем не такой, как ты. Из другого теста, так ведь говорят?

– Да, я понимаю.

– Любишь его?

Танечка молчала, она понимала, что ещё одно слово – и она готова будет заплакать оттого, что не знает, как прервать этот разговор. Юра почувствовал напряжение, дал ей стакан сока и взял за руку.

– Я знаю, ты сильная и сделаешь так, как подсказывает сердце. Но я хочу предупредить: чтобы быть самой лучшей для Саши, тебе совсем не надо меняться, а вот ему очень многое придётся изменить. А чтобы с тобой жить счастливо, меняться ему придётся точно. И на этом пути будет трудно обоим. Именно это я и хотел тебе сказать. Не обижайся на меня. Я вот сказал – и от души отлегло.

Танечка сдержала слёзы. Подождала немного, выпила сок.

– Спасибо, Юра. Ты не думай – я всё понимаю, но просто совсем не могу без него, а видеть – всё вижу. Но я думаю, я верю, что смогу многое изменить. Я вижу, какой он хороший, и знаю, что ему очень нравлюсь.

– Это да, конечно. Я вообще его таким ещё не видел. Уверен, что ты абсолютно особенная для него. Но всё, что ска-

зал, должен был сказать, ты уж извини. Ты большая девочка, решишь сама.

В этот момент позвонили в дверь. Юра спружинил на диване, подскочил и с улыбкой направился в прихожую. Вошёл Саша, и Юра, смешно фальшивя, пропел: «Happy birthday to you!» В этот момент он выглядел, как ребёнок гигантского роста. Все трое засмеялись, стало очень легко и тепло. Танечка подошла к Саше, поцеловала в щёку и протянула подарок. Через минуту в квартиру вошла девушка, на вид лет двадцати трёх, вполне милая и доброжелательная.

– Знакомься, Танечка, это Наташа. Моя хорошая знакомая, – сказал Юра.

Они поспешили за стол, на котором было множество закусок. Юра постарался – всё было очень и очень вкусно.

Наташа действительно оказалась милой. Она училась в педагогическом институте на учителя французского языка и немного подрабатывала официанткой. А Юра работал в том же ресторане поваром, хотя имел высшее техническое образование.

Праздник прошёл прекрасно – они много ели, пили совсем чуть-чуть. Незаметно наступил поздний вечер, и Танечка засобиралась домой. У Юры была трёхкомнатная квартира. Он жил один – мать вышла замуж и уехала в другой город. Иногда у него жил Саша, дом находился близко от его работы, и им, по словам Юры, было вполне удобно и весело. У Саши своего жилья не было, они с мамой и братом юти-

лись в крохотной квартирке в центре города, где Саша провёл детство и окончил школу.

Потом были работа водителем, армия и поступление на юридический. С поступлением ему помогла мама, так как долгое время проработала следователем и сама окончила этот факультет.

В тот вечер Танечка была абсолютно счастлива. Она смотрела на своего Сашу, и ей казалось, что это было не с ней – так всегда она ощущала мгновения счастья. Истинного, не такого, которое мерещится, а именно того самого, которое спутать нельзя ни с чем на свете.

Юрка пошёл провожать Наташу, они шутили и смеялись. – Так, Саша и Таня, мы уходим, но я вернусь, – сказал Юра, – поэтому не вздумайте расплодиться в моей квартире. Сашкиных носков и так слишком много в каждой комнате.

И дверь закрылась... Вот в этот момент Танечка почувствовала, что ей становится страшно и замечательно одновременно. Они поцеловались. Он, в свои двадцать пять уже испытывавший чары на десятках женщин, и она, которая целовалась два раза в десятом классе с мальчиком, которому невероятно нравилась, а он ей не то чтобы очень.

Это случилось как-то само собой, совсем не пошло, немного больно, но по взаимному желанию. Он, казалось, был очень испуган происходящим. И когда всё понял, стал целовать ещё крепче.

– Прости, тебе больно? Сейчас принесу полотенце.

Он обнял её крепко, по-настоящему. «Девочка. Так и ду- мал – совсем девочка».

Танечка, стараясь понравиться, выдержала боль. Она была очень взволнована и совсем не знала, что говорить в такой ситуации. Поэтому просто улыбнулась.

Он неожиданно поднял её на руки и положил на диван.

– Я приготовлю чаю. Надо, наверное, позвонить маме, предупредить, что ты сегодня не придёшь.

– Да, обязательно.

Танечка позвонила маме:

– Мамочка, я сегодня не приду. У меня всё хорошо, ты не волнуйся. Я утром всё расскажу.

– Доченька, у тебя точно всё хорошо?

– Да, мама. Очень-очень хорошо.

Утром, выпив кофе, все разбежались по делам. Вечером Саша неожиданно позвонил:

– Танюша, какая у тебя квартира?

– Двести восемьдесят.

– Я иду, встречай меня.

Танечка встретила Сашу у лифта, они поцеловались. В руках у него были торт и небольшой букет.

– Слушай, напомни, как твою маму зовут?

– Вера Степановна.

– Хорошо. Только пока мы до твоей квартиры не дошли, ты мне скажи, пойдёшь замуж за меня?

Танечка стояла на лестничной площадке. Она даже не зна-

ла, что сказать.

– Ах да, забыл! Я тебя люблю. По-моему, теперь всё.

Она не понимала, что сейчас нужно делать. Ноги не шли. Невозможно было произнести ни единого слова – она будто онемела. Танечка только кивнула.

– Отлично, давай, веди меня к себе домой.

Маленький племянник спал, поэтому в доме все разговаривали шёпотом и старались двигаться тихонько. Танечка за руку ввела Сашу в маленькую двухкомнатную квартиру, где на тот момент проживали четверо взрослых и один совсем маленький мальчик, который часто плакал по ночам и разбрасывал пластмассовые кубики по всей комнате.

Они зашли на кухню. Увидев Сашу с цветами, мама Танечки немного ступевалась.

– Здравствуйте, Вера...

Пауза затянулась, и Танечкина мама подсказала:

– Степановна.

– Да, Вера Степановна. Мы с вашей дочерью женимся, это вам.

И протянул букет маме. Та села на табуретку с потёртым ламинированным верхом. Посмотрела на Танечку и Сашу и сказала:

– Давайте пить чай.

Саша побыл недолго, все боялись разбудить младенца, несколько раз выглядывала сестра Танечки, просила говорить чуть тише. Беседовали о чём-то отвлечённом. Потом

Саша встал, Танечка закрыла за ним дверь и только тогда обняла маму.

– Танюша, я желаю тебе счастья. Я знаю, ты уже большая девочка, но ты уверена в нём?

– Мамочка, как я могу быть уверена? Я просто очень его люблю.

Танечка вспоминала вчерашний день, когда летела на работу, разрезая воздух, слово сказочное всемогущее волшебное существо. Она знала, что нельзя быть уверенной, но поступить иначе не могла.

Они подали заявление. Расписались. Качая головой и сокрушаясь, всё-таки пришли все сослуживцы. Было очень сдержанно и скромно, но весело. Танцевали, шутили и желали много-много детей. Юрка почему-то отказался быть свидетелем, но на свадьбу пришёл, был каким-то очень тихим и ушёл рано.

Они прожили с Сашей семь лет. Было всё, в том числе самая красивая на свете любовь, особенные слова, радость и страсть, самая необузданная и самая необъяснимая. Бывали времена, когда он не приходил домой, выпивал, вёл себя не просто странно, но даже ужасно. Танечка терпела и всё оправдывала.

Она окончила университет и устроилась на работу в адвокатскую контору, где показала прекрасные результаты. Саша по-прежнему служил на таможне. Он всё реже был для неё хорошим, и в какой-то момент стало ясно, что это и есть тот

самый конец, о котором так не хочется говорить и думать. Они разошлись, потеряли следы друг друга. Она только знала, что он женился ещё, и не раз – его всегда окружало бесконечное множество женщин, он поддавался и отвечал на их симпатию легко и бессовестно.

Ей же, Танечке, оказывали знаки внимания, но она не могла представить себя даже за чашкой кофе с другим женщиной – так любила Сашу.

Когда они расстались, было пролито много слёз. Сразу после развода они встретились и очень коротко поговорили.

– Я хочу спросить тебя, Таня: ты вернёшься ко мне?

– Тогда и я спрошу. Ты можешь измениться ради меня?

Саша подумал и сказал:

– Нет, я не смогу.

– Тогда не вернусь.

Они ещё помолчали. Сидели в кафе на Петроградке, где раньше после ссор иногда отдыхали в полной идиллии и мечтали о том, как им будет хорошо и какие у них будут дети. Сейчас был совсем другой разговор.

– Саша, я хочу тебя попросить кое о чём. Можно?

– Смотря о чём.

– Давай мы останемся в памяти друг у друга хорошими воспоминаниями, и если нас спросят, какими мы были, – никаких имён и подробностей. Просто ответим: она/он была/был хорошей/хорошим.

Он подумал и обнял её в последний раз.

– Да, я обещаю.

– И я обещаю тебе, Саша. Я желаю тебе счастья.

Танечка первой вышла из кафе. Изо всех сил она сдерживала слёзы, которые предательски застилали карие выразительные глаза. Он остался в кафе, и на минуту ей показалось, что он отвернулся, чтобы тоже заплакать.

Они разбежались, как говорят. Фамилию Танечке менять не пришлось, поскольку при замужестве для удобства решили с Сашей, что пускай у неё остаётся девичья – Парфёнова. Меньше возни.

Она, конечно, переболела. Смогла. Снова вышла замуж, родила сына. Со вторым мужем разошлись очень мирно, будто исполнили какой-то особый ритуал.

В это весеннее утро по дороге в своё адвокатское бюро она опять почувствовала запах и дыхание весны. Что-то необъяснимо откликалось в ней на безудержное щебетание и лёгкую, ещё совсем девственную зелень деревьев.

Она вошла в дверь адвокатского бюро «Парфёнова и партнёры». Пришла, как всегда, вовремя, поскольку была очень ответственной и пунктуальной.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна, – поприветствовала её секретарша.

– Здравствуйте, Юлечка.

– Вас ожидает клиентка на одиннадцать часов, она пришла немного раньше.

– Хорошо, я сейчас немного подготовлюсь и к назначенному времени приму её. Предложите ей пока кофе или чай.

Приёмная была так устроена, что путь в её кабинет не проходил через зал ожидания. Татьяна Георгиевна аккуратно повесила пальто, поправила волосы, немного освежила губы блеском. Села за стол, взяла предложенное ей секретарём дело. Когда подошло время, попросила клиентку войти.

Перед ней расселась весьма яркая дама. По её чертам можно было с уверенностью сказать о некой истеричности и эксцентричности её натуры. Лет десять назад она наверняка была фигуриста и красива. В деле было указано: «Раиса Рудольфовна Андреева».

«Надо же, именно сегодня утром – и Андреева», – подумала Татьяна.

– Раиса Рудольфовна, пожалуйста, изложите своими словами суть дела.

– Мой муж, понимаете, редкостный козёл. Я у него уже четвёртая жена. До меня ещё разные были. Все шалавы, и только первая была хорошая. Даже как звать её, не знаю. Это, видите ли, секрет! Короче, я планирую с этой гадины, моего мужа, содрать всё, что смогу.

Татьяна Георгиевна посмотрела в дело. Муж – Андреев Александр Юрьевич...

– Вы знаете, Раиса Рудольфовна, мне очень жаль, но я больше не занимаюсь семейным правом.

– Как не занимаетесь? Что за ерунда! Мне вас рекомендо-

вали как одного из лучших специалистов.

– Знаете, пообещала не заниматься одному хорошему человеку.

– Бред какой-то, просто бред.

Женщина напрягла мощные, расплывшиеся, как перезревшие южные помидоры, колени, поднялась с кресла, смирила кабинет до двери большими шагами в туфлях на высоких шпильках и, не обернувшись, так хлопнула дверью, что испуганная секретарша вбежала без стука и разрешения.

– Извините, Татьяна Георгиевна. Не ваш день? – неловко предположила Юля.

– Да нет. Как раз очень хороший весенний день, Юленька. Давайте, кто там у нас следующий? Я готова, приглашайте.

Она взяла дело и ласково провела ладонью по строчке, где было написано имя «Александр». На одно мгновение Танечка отвернулась, чтобы сдержать по непонятной ей причине подступившую к ресницам влажную прозрачную каплю.

Сегодня она в полной мере наслаждалась весной, которая всегда была её самым любимым временем года. Это был один из дней, который запомнился навсегда. Она, Татьяна Георгиевна Парфёнова, была уже очень большой девочкой и точно знала, что такие моменты и есть настоящее счастье.

Солнце Калифорнии

В 1992 году мало кто бывал в Калифорнии. И Анастасия Алексеевна Добровольская тоже там никогда не была.

По обмену между университетами она ещё в восемьдесят девятом посетила штат Иллинойс, США, где и получила отличную практику разговорного английского языка.

Анастасия Алексеевна преподавала в Институте (ныне Университете) имени Герцена, на кафедре зарубежной филологии. Её специализацией была английская литература XIX века, хотя по характеру ей больше подходил французский романтизм. В результате всю свою сознательную жизнь она посвятила изучению реализма. Она в подлиннике читала Чарльза Диккенса, изучала Теккерея с его «Ярмаркой» и была вполне счастливым человеком. Условия её жизни не были настолько стеснёнными, как у большинства коллег из института.

Анастасия Алексеевна жила с сыном Славиком двенадцати лет в хорошей двухкомнатной квартире, не в центре, но в благополучном зелёном районе около метро, а её пожилые папа и мама жили этажом ниже. Они очень старались не доставлять ей хлопот, но с каждым годом им было всё сложнее добираться до магазина и самостоятельно делать всё, что они так бодро и замечательно помогали делать в своё время Настеньке. Родители без памяти любили свою единственную и

самую лучшую в мире дочь.

Любовь удавалось дарить и внуку Славушке, но только лет до десяти. Потом даже это чудесное имя – Славушка, – которое дедушка и бабушка дали своему родному мальчику, бесило его невероятно. Они старались не лезть со своими советами и обожанием, но это было так сложно. Им очень не хватало тепла прежних дней, когда очаровательный пупсик в кудряшках, забавный и маленький, дремал у них на диванчике, улыбался во весь рот и уплетал испечённые бабушкой булочки с корицей.

Они, посвятившие педагогике всю свою жизнь, потерпели фиаско с собственным внуком. Что поделаешь – переходный возраст... Но у них была ещё она – молодая, очень талантливая, тоненькая и изящная, с удивительно пронзительным взглядом серо-зелёных глаз, светло-русыми волосами и точёной фигурой, которая и в её тридцать восемь оставалась прелестной и воздушной.

Она взяла от них всё самое лучшее, как если бы на небесах разложили двух людей на маленькие составные частицы и на шёлковой, белой-белой простыне выложили из них лик удивительно красивого ребёнка. Это и была их Настенька.

Фамилия досталась ей от мужа, прекрасного человека, преподавателя университета, Бориса Евгеньевича Добровольского. Он был старше Настеньки на пятнадцать лет, но безмерно счастлив с ней, пока, к великому несчастью, его не подвело сердце – четыре года назад Боря скончался.

Все очень тяжело пережили эту семейную трагедию. Настенька тогда сильно похудела, осунулась. Он, к сожалению, не был для неё секс-символом, героем-любовником или какие там ещё бывают эпитеты, зато был хорошим человеком – начитанным, удобным и любящим свою Настю.

С близкими родственниками мужа контакт у неё совсем не сложился, поэтому после его смерти они даже Славика перестали замечать. Мама Бори, Лея Абрамовна, видела во втором браке для своего Бореньки какую-то очень незаурядную зрелую личность и была очень разочарована, когда сын выбрал молоденькую тоненькую лань, хоть и с высшим образованием, но не его уровня, однозначно. Свекрови Настя казалась какой-то хилой и слабоватой во всех известных ей отношениях.

Анастасия тогда скорее выбирала просто разумом. У неё была абсолютно несчастная первая любовь с однокурсником Константином, который впоследствии оказался не только несерьёзным типом, но даже иногда мог употреблять наркотики. Он заделался рок-музыкантом и периодически пел в только открывающихся клубах города.

Застав его однажды со шприцем в руке, Настя была в таком диком шоке, что долго и мучительно выбиралась из этих отношений. Родители, как могли, поддерживали её. Они, конечно, понимали, что про этого проклятого Костика всё ей говорили раньше, но очень жалели свою девочку и, как продвинутые педагоги, старались не возвращаться слишком ча-

сто к ошибкам своей прекрасной доченьки.

Поэтому, когда появился Борис Евгеньевич, родители старались делать всё возможное, чтобы они остались вместе. Настеньке тогда исполнилось двадцать пять. Она всё ещё не могла спокойно слушать рок и вздрагивала при имени Константин, что, как ей хорошо было известно, означало «постоянный». Но постоянным Костя никогда не был, а вот Боря – да. Он был очень постоянным, правильным, понимающим. Настолько понимающим, чтобы осознать, что Настя не любила его так, как он желал бы и как он любил её. Но он видел её радость от встреч, взаимопонимание и симпатию – наверное, в большей степени дружескую.

Ему, человеку уже более зрелому, от Насти не стоило ожидать чего-то большего. Он был влюблён как никогда. Борис уже был женат однажды, детей в первом браке не было. Рита, его первая жена, после развода уехала в Израиль, куда, в общем-то, она стремилась все годы их совместной жизни. Оставалась работа в институте, и тут встретила она – молодая, очень тоненькая и светлая, как белый свежий тюльпан.

Всю жизнь он прожил среди знойных женщин – сначала мама, потом Рита. Это были женщины яркие, плотные, с копнами выющихся чёрных волос, тугими поясами на талиях и в юбках-стрейч на бёдрах. И она – мягкая, светлая, как роса, как родниковая вода, которую черпаешь рукой, жадно пьёшь и не можешь остановиться.

Да, Боря... Светлая память. Четыре года не только посто-

янных, но и временных мужчин в жизни Анастасии не было. Родные ссылались на её скорбь, но в душе она абсолютно точно знала, что просто вокруг не было подходящих, нормальных в её понимании мужчин. Настя, даже не понимая почему, очень не любила слово «мужик». Возможно, потому что многие её знакомые женщины, коллеги по работе, любили заводить разговоры такого толка: «все мужики козлы» и «где их взять, мужиков-то».

Ни папа Насти Алексей Григорьевич, ни Боря козлами точно не были, и она была уверена, что, конечно, где-то есть и её мужчина. Наверное, нужно было искать, но вот с этим самым поиском дела у Настеньки обстояли совсем плохо. Она невероятно нравилась декану факультета. Человек он был молодой – сорока двух лет. Жена-красавица – яркая блондинка. И трое очаровательных детишек: старшая – Оленька, почти ровесница Славика, и двойняшки – мальчик и девочка пяти лет.

Казалось, в семье царил идилия, но именно он, Дмитрий Александрович Волков, брал Добровольскую на семинары в другой университет, несколько раз пытался подвезти её до дома после поздних лекций, советовался, подсаживался в кафе на чашку чая и расспрашивал о прошедших выходных.

Анастасия всё видела и понимала. Он был ей симпатичен, но она совершенно не допускала никаких контактов, кроме рабочих. Даже дружба, как она считала, была бы слишком близким контактом между ними, а она не хотела начи-

нать никаких неопределённых отношений, предполагая, что должно пройти время, чтобы она почувствовала какой-то особый огонь и необъяснимую радость, которые, по её мнению, и могут быть началом нового романа.

И вот среди семестра, в октябре, декан собирает кафедру. Новость очень даже хорошая. В гости приезжают два профессора из Калифорнийского университета, направление деятельности – филология. Необходимо встретить в Москве и безопасно привезти в Ленинград, точнее, в Санкт-Петербург – уже год, как город вновь изменил имя, не все ещё привыкли.

Ответственной назначается Анастасия Алексеевна Добровольская, очень ценный работник, помимо профессионального академического знания прекрасно владеющая разговорным английским, благонадёжная, вполне молодая, со всем маленьких детей нет – отличная кандидатура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.